

Глава XI

Старец Макарий — продолжатель литературных трудов молдавского старца Паисия Величковского по изданию в свет святоотеческих писаний

Упомянув в предыдущей главе о некоторых скитских монахах, получивших в свое время хорошее школьное образование, которые под непосредственным надзором блаженной памяти старца Макария занимались изготовлением к печати рукописей известного великого старца Паисия Величковского, не уместно здесь будет поговорить и о самих этих книжных занятиях; так как они имеют свою небезынтесную историю.

Выше мы видели, что старец Макарий, живши еще в Площанской пустыни около своего старца схимника о. Афанасия, ученика Паисиева, нашел у него верные копии со всех переводов святоотеческих книг старца Паисия, как вновь сделанных, так и исправленных сим последним, и что списывание их долго было любимым его келейным занятием. Таким образом, в келейной библиотеке старца Макария давно уже обретались верные копии: а) с исправленных старцем Паисием древних славянских переводов писаний преподобных отцов — Макария Великого, Иоанна Лествичника и Варсануфия и Иоанна и б) с переведенных им самим книг преподобных — Максима Исповедника слово по вопросу и ответу, Феодора Студита с новогреческого языка, житие Григория Синаита, слова Григория Паламы и некоторые другие творения св. отцов-подвижников. Всеми этими сокровищами духовного разума старец Макарий всегда как сам пользовался, так и независтно делился ими со всеми, искренно желавшими и искавшими духовного назидания и спасения, вовсе не смея, по собственному его признанию, помышлять об издании их в свет. Он был доволен и всегда благодарил Бога и за то, что удостоил его стяжать такие сокровища — одни собственными трудами, то есть перепискою, а другие — как воздаяние за сыновнюю его любовь к старцу Афанасию по кончине сего последнего.

Прилежное чтение и изучение о. Макарием этих святоотеческих писаний, а также и собеседования о духовной жизни с духовно опытными мужами при строго внимательной, смиренной жизни были причиною того, что всеблагий Господь, видя его благую ревность ко спасению и чистоту сердца, просветил ум его к ведению Божественных и святоотеческих писаний. Когда же о. Макарий перешел в Оптинский скит и подвизался в сообществе со старцем Леонидом, который был учеником схимонаха Феодора, также близкого ученика Паисиева, он еще более преуспел в этом ведении. И таким образом Господь приуготовил его быть продолжателем начатых старцем Паисием книжных трудов.

Принять должно во внимание еще и то, что в настоятеле Оптиной Пустыни о. игумене Моисее и в родном его брате о. игумене Антонии, который до конца 1839 года был начальником Оптинского скита, занятие о. Макария чтением и изучением святоотеческих писаний встретило самых достойных ценителей и пособников; ибо и сами они, будучи благими ветвями благого корня, еще задолго до вступления в Оптину Пустынь (1821 г.) проводили безмолвную уединенную жизнь под руководством старцев духовной жизни, подвизавшихся в Рославльских лесах Смоленской губернии. Пребывая здесь, оба брата главным занятием своим в свободное от молитвы время имели поучение в святоотеческих писаниях; для чего и переписывали переводы старца Паисия с рукописей, бывших у одного из рославльских пустынножителей — иеросхимонаха о. Афанасия.

Итак, по особому устроению и промыслению всеблагого Господа, в то время когда Ему благоугодно было послать способы и указать благоприятное время для издания на общую пользу остававшихся более пятидесяти лет под спудом духовных сокровищ

вищ — письменных трудов блаженного старца Паисия, в Оптиной Пустыни появились способные к тому люди и обрелись самые верные списки с Паисиевых рукописей. В числе их было даже несколько рукописей первоначальной редакции, принадлежавших самому старцу Паисию, переписанных по его благословению с черновых тетрадей ближайшими его учениками, исправленных и подписанных собственною его рукою. Такова, например, рукопись слов великого учителя внутренней жизни св. Исаака Сирина¹.

Печатание от Оптиной Пустыни книг духовных началось с 1845 года с малых размеров и как бы случайно. В этом деле принимали живое участие близкие к старцу Макарию почитатели его гг. Киреевские — известный христианский философ и в свое время редактор московского учено-литературного журнала «Москвитянин» Иван Васильевич и супруга его Наталья Петровна, которая поначалу и возбудила это дело. Еще с 1838 года она была духовною дочерью старца Макария. Через нее-то Иван Васильевич сначала и предложил ему, не благоугодно ли ему будет в издававшемся им журнале помещать статьи духовного содержания. Старец ответил на это предложение благодарением, уведомив Ивана Васильевича, что, если это возможно и удобно, то он предлагает поместить в журнале его «Жизнь старца Паисия Величковского». Если же это будет почему-либо неудобно, то он пошлет статью эту в журнал «Маяк», издававшийся в свое время известным Бурачком. Разделяя мнение старца Макария об услугах, оказанных блаженным старцем Паисием всему православному иночеству и славянской литературе утверждением в ней аскетической терминологии, Иван Васильевич с удовольствием согласился на предложение старца украсить этою статьею страницы издававшегося им журнала. Статья эта на славянском наречии и была напечатана в 12-й книге «Москвитянина» за 1845 год и украшена портретом старца Паисия.

В следующем, 1846, году старец Макарий при посещении им гг. Киреевских в их имении — селе Долбине (Белевского уезда Тульской губернии), отстоящем от Оптиной Пустыни в 40 верстах, в радушной и искренней беседе с гостеприимными хозяевами,

¹ Судьба этой рукописи особенно замечательна. Писана она была полууставом на белой лощеной бумаге в лист более половины — близким учеником старца Паисия схимонахом о. Феодором, а dokonчена другом его и сожителем в молдавских и русских обителях схимонахом о. Николаем. Затем рукопись эта прислана была старцем Паисием Петербургскому митрополиту Гавриилу с таковым в предисловии (после посвящения) собственноручным подписанием: «Трудивыйся в переводе сем Свято-Вознесенского Нямецкого и Предтечева Секульского Молдовлахийских монастырей архимандрит Паисий Величковский родимец Полтавский». По кончине же митрополита Гавриила в 1801 году, неизвестно как, рукопись перешла в частные руки какого-то барышника и привезена была им на продажу в Валаамский монастырь, так как дошел до него слух, что там живут старцы духовной жизни, которые, верно, купят ее за дорогую цену. Таким образом книга дошла и до рук, писавших ее, схимонаха о. Феодора, жившего в то время на Валааме. Можно себе представить радость, а вместе с тем и удивление о. Феодора по случаю обретения, в особенности для него, столь драгоценной рукописи, которую он не надеялся не только иметь, но и когда-либо видеть. Господь, устроивший столь чудесное обретение рукописи, даровал смиренному и убогому старцу и средство возратить оную из рук барышника. Это случилось между 1811 и 1817 годами. о. Феодор чрезвычайно дорожил изгибшим и столь нечаянно обретенным сокровищем. Вообще старец сей столько любил писания св. Исаака Сирина, что во время постигавших его лютых скорбей, гонимый злобою и завистию, будучи вынуждаем неоднократно переходить из монастыря в монастырь, уносил с собою только одну эту книгу св. Исаака. После блаженной кончины старца Феодора в 1821 году книга эта досталась любимому его ученику и спутнику во время всей его скорбной жизни по выходе из Молдавии иеромонаху о. Леониду (в схиме Льву). о. Леонид еще при жизни своей подарил ее своему ученику схимонаху Антиоху, по кончине которого она перешла к другому ученику старца Леонида, жившему тогда в Александро-Невской Лавре, монаху Иоанникию (в схиме Леониду). Сей подарил ее благодетельнице Калужской Тихоновой пустыни, где и сам он проживал довольно долгое время, духовной дочери старца о. Леонида старице Е. Т. Л-ой, а от нее книга эта в 1849 году перешла к иеромонаху той же обители о. Ефрему, бывшему также учеником старца Леонида. о. Ефрем подарил ее духовному своему сыну монаху Авраамию. А сей, отъезжая в 1858 году на жительство во св. Афонскую гору, принес сию рукопись в дар Оптинскому старцу иеросхимонаху Макарию, который в предсмертной своей болезни благословил ею вместе с иконою св. Исаака Сирина вышеупомянутого скитского иеромонаха (впоследствии архимандрита) о. Леонида Кавелина; а им оставлена в скитской библиотеке Оптиной Пустыни.

говоря о разных духовных предметах, коснулся и недостатка духовных книг, руководствующих ревнителей благочестия в деятельной христианской жизни. В заключение беседы он упомянул, что у него есть довольно рукописей творений св. отцов перевода старца Паисия, исполненных духовного разума и пользы.

Оказалось при сем, что и у Натальи Петровны, которая прежде была духовною дочерью старца, иеромонаха Московского Новоспасского монастыря о. Филарета², сохранилось также несколько подобных рукописей, доставшихся ей в наследие от упомянутого блаженного старца. Со стороны Ивана Васильевича и его супруги и возник по этому поводу вопрос: «Что мешает явить миру эти духовные сокровища?». Смиренный старец, по своему обычаю, отвечал, что он считает себя к тому недостаточным, никогда этим не занимался и не дерзает просить кого-либо о печатании рукописей, что, видно, на это еще нет воли Божией и т. п. Иван Васильевич и Наталья Петровна сказали, что попробуют попросить о сем Московского владыку митрополита Филарета³. Если не будет удачи, то и они уже готовы будут согласиться, что нет воли Божией на сие благое дело. И так как предполагалось прежде всего напечатать отдельною книгою «Жизнь старца Паисия с его творениями», то положено было тогда же на общем совете написать хотя краткое к книге предисловие. Принесена была бумага с прочими для сего принадлежностями. Помолились Богу; и хозяева оставили старца одного в комнате. Через час он позвал их к себе. Первая написанная старцем страница была прочтена. Киреевские, как лично и близко знавшие старца о. Филарета Новоспасского, присоединили к сему сведения о его жизни. Старец Макарий взял написанный ими листок с собою, чтобы показать своему настоятелю о. игумену Моисею. о. игумен, со своей стороны, присоединил рассказ о старце жизни духовной, Арзамасском архимандрите Александре. Потом и начали, в надежде на успех предпринимаемого дела, переписывать имевшиеся в рукописях у старца Макария и у г-жи Киреевской писания старца Паисия с целью подготовить их к печати. Между тем, Киреевские написали в Москву к профессору Московского университета Степану Петровичу Шевыреву, прося его о том, чтобы он испросил от них благословение у владыки митрополита на печатание переводов старца Паисия. Владыка столько был милостив, что вместе с благословением обещал и свое покровительство этому благому делу. Переписанные набело, на первый раз потребные рукописи посланы были в цензуру к профессору Московской академии Феоодору Александровичу Голубинскому. И до приезда гг. Киреевских в Москву в сентябре 1846 года уже напечатано было Шевыревым восемь листов жизни и писаний старца Паисия. Книга эта, также на славянском наречии, вышла в свет в начале 1847 года под следующим названием: «Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского (с портретом старца)», с прибавлением против напечатанного в «Москвитянине»: а) предисловия, заключающего в себе краткое сказание о жизни и иноческих подвигах учеников старца Паисия и некоторых современных ему старцев духовной жизни, живших в России, с которыми он был в духовном единомысленном общении, и б) всех известных писаний старца Паисия. При сем первом издании напечатано было отдельною брошюрою письмом старца Паисия к бывшей начальнице Арзамасской Алексеевской женской общины Марье Петровне Протасьевой. И тогда же 50 экземпляров этой брошюры препровождены были в дар сей общине. Таково было малое начало святого дела, продолжавшегося почти до самой кончины старца Макария, — дела, на которое старец взирав очами веры, называя оное всегда делом Божиим и почитая его таковым в чувстве души своей.

Вот краткий перечень всех душеполезных книг, изданных Оптиною Пустынью при жизни старца батюшки о. Макария по его благословию и при его главном содействии или руководстве.

² См. о сем старце в предисловии к книге: «Жизнь и писания старца Паисия Величковского». Издание Оптиной Пустыни.

³ Митрополит Филарет скончался в 1867 г. 19 ноября и погребен в Троицко-Сергиевой Лавре.

1. **Второе издание Жития и писаний блаженного старца Паисия Величковского**, так же как и первое, на славянском наречии, с добавлением противу первого издания статей: 1) О ошаянии⁴ брашен, возбраненных монахам: а) предисловие, б) исследование старца Поляномерульской обители Василия; и 2) Жизни бывшего настоятеля Арзамасского монастыря архимандрита о. Александра и его духовной переписки. При этом издании, так же как и при первом, приложен литографированный портрет старца Паисия. Книга напечатана в конце 1847 года.

2. **Четыре огласительные слова к монахине**, сочиненные и говоренные в 1766 году иеромонахом Никифором Феотокием, бывшим впоследствии архиепископом Астраханским, переведенные с греческого старцем Паисием Величковским. Брошюра эта напечатана в конце 1848 года; а в начале 1849 года напечатана была вторым изданием. В том же году напечатаны были отдельные статьи из прежде изданных писаний старца Паисия при его Житии: а) Свиток об умной молитве и б) Толкование на «Господи, помилуй». Перевод с греческого.

3. **Преподобного отца нашего Нила Сорского предание ученикам своим о жительстве скитском**. Напечатано в 1849 году на славянском языке (18 мая начато, а 15 июня окончено) с подстрочными примечаниями, служащими к пояснению неудобопонятных мест. Это издание впоследствии украшено литографированным изображением преп. Нила Сорского, которое снято с присланного из скита его имени в Оптину Пустынь изображения в благодарность за доставленные в оный скит экземпляры изданной книги.

4. **Восторгнутые класы в пищу души**. Это сборник некоторых святоотеческих писаний, переведенных старцем Паисием с греческого на славянский язык. Книга напечатана в конце 1849 года с пояснительными подстрочными примечаниями трудных для понимания мест.

5. **Преподобных отцев Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошение учеников**. Книга, исполненная великой духовной пользы, принадлежит к числу славянских переводов, исправленных старцем Паисием. Она вновь проверена с греческим подлинником и напечатана в 1852 году на славянском наречии русскими буквами; снабжена также подстрочными примечаниями, служащими к объяснению неудобопонятных мест, и алфавитным указателем.

6. **Оглашения преподобного Феодора Студита**. Славянский перевод старца Паисия с новогреческого языка. Книга эта напечатана в начале 1853 года в числе лишь 600 экземпляров собственно для пользы иноческих общежительных обителей⁵.

7. **Преподобного отца нашего Максима Исповедника толкование на «Отче наш» и его же слово постническое по вопросу и ответу**. Напечатано в конце того же 1853 года.

8. **Св. отца нашего Исаака Сирина, епископа Ниневийского, слова духовно-подвижнические, переведенные с греческого старцем Паисием Величковским**. Это — драгоценнейшее из всех изданий Оптиной Пустыни. Еще 21 октября 1852 года скитские книгочии под непосредственным надзором старца Макария начали заниматься составлением пояснительных примечаний к славянскому переводу этой книги и сличать оный с греческим текстом. Труд сей при помощи Божией окончен был того же года 29 ноября. Рукопись была переписана и отослана в цензуру; напечатана же была уже в марте месяце 1854 года на славянском наречии гражданскими буквами с подстрочными примечаниями и алфавитным в конце книги указателем, которым прилежно занимался сам старец Макарий.

⁴ Ошаяние (ц.-сл.) — воздержание. (Прим. ред.)

⁵ В 1873 году, уже при старце Амвросии, Оглашения преп. Феодора Студита переведены были на русский язык и напечатаны. Они читаются в Оптином скиту на общем келейном утреннем правиле начиная с Недели мытаря и фарисея и заканчиваются уже после Пасхи.

9. Книга преподобных отцев Варсануфия и Иоанна руководство к духовной жизни, в вопросах и ответах с алфавитным указателем в **русском переводе**. По убедительной просьбе многих, не знакомых со славянским наречием, скитские книжники начали заниматься переводом сей книга на русский язык в конце 1852 года и окончили оный в апреле следующего 1853 года; а напечатана была книга в 1855 году.

10. Преподобного отца нашего аввы Фалассия главы о любви, воздержании и духовной жизни. Со славянского перевода старца Паисия переведены на русский язык и напечатаны оба текста — славянский и русский гражданскими буквами. Оригинал этого перевода с поправками старец Макарий по некоторым частным обстоятельствам сохранял и завещавал сохранять в скитской библиотеке как великой цены сокровище. Книга напечатана также в 1855 году.

11. Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением его вопросов и данных на оные святыми старцами Варсануфием Великим и Иоанном ответов, в русском переводе. Перевод с еллинно-греческого языка сделан по поручению старца Макария одним из его духовных детей, мирским человеком, знатоком классических языков Константином Карловичем Зедергольмом⁶. При проверке сего перевода для издания в свет принят был оптинцами во внимание первопечатный славянский перевод, изданный в Киево-Печерской Лавре в 1617 году. Первое издание этой книги в русском переводе напечатано было в 1856 году.

12. Житие преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова. Напечатано на славянском языке в том же 1856 году.

13. Преподобного и богоносного отца нашего Марка Подвижника нравственно-подвижнические слова. Изданы в свет в русском переводе в 1858 году. Из книги: «Восторгнутые класы» и «Добротолюбия».

14. Преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова, игумена и пресвитера, бывшего от ограды св. Маманта, слова весьма полезные, «Двенадцать слов». Изданы на славянском языке в конце 1858 года.

15. Преподобного отца нашего Орсисия, аввы Тавенисиотского, об устроении монашеского жительства. Буквальный перевод сей книги с латинского на русский сделан был вышеупомянутым Константином Карловичем Зедергольмом. Книга издана в 1859 году.

16. Преподобного отца нашего аввы Исаяи, отшельника египетского, духовно-нравственные слова. Книга напечатана в 1860 году в русском переводе, для коего сверх древнего славянского, приписываемого старцу Паисию, перевода послужил русский перевод, сделанный несколько лет прежде с славянского одним любителем отеческих писаний духовного сана. Для уяснения же некоторых темных мест пользовались латинским текстом сих слов, находящихся в библиотеке св. отцов Голланда.

Итак, с 1845 по 1860 год включительно под руководством старца Макария издано в свет 16 книг, из коих 5 — на русском наречии, одна — на славянском и русском, а остальные 10 — на славянском. Все они напечатаны гражданскими буквами. Первое место между этими изданиями бесспорно принадлежит творению великого учителя иноческой жизни св. Исаака Сирина. Затем следует книга преп. аввы Дорофея, которую старец Макарий, как выше упомянуто, справедливо называл монашескою азбукою, особенно указывая на нее всем новоначальным послушникам, желавшим положить прочное начало в деятельной жизни духовной, которая, по учению св. Иоанна Лествичника и сего преп. Дорофея, слагается из послушания и смирения.

Кроме перечисленных изданных Оптиною Пустынью в свет книг, боголюбивый старец Макарий немало потрудился над творением также великого учителя жизни иноческой св. Иоанна Лествичника, подвизавшегося в Синайской горе. Высоко ставя творение сего св. отца в ряду писаний других св. отцов-подвижников, старец изучал и сли-

⁶ Впоследствии иеромонах Оптинского скита о. Климент. Скончался 1878 г. 30 апреля.

чал между собой все известные дотоле печатные издания и рукописные переводы сего бессмертного творения. Наконец, приняв в основание перевод старца Паисия, как мужа, исполненного духовного разума, прошедшего опытом изложенные св. Иоанном советы, старец Макарий приложил особое усердие к тому, чтобы пояснить перевод старца Паисия через сличение оного с другими рукописными позднейшими переводами, печатными изданиями и с греческим текстом. Цель же его была та, чтобы сделать перевод Лествицы доступным не для одного лишь голого чтения, но особенно для общего практического руководства содержащимися в сей книге духовными наставлениями. Таким образом и составил перевод Лествицы на упрощенном славянском языке, коим прилежно занимался сам старец Макарий при деятельном пособии близкого своего ученика иеромонаха Амвросия, преемника его по старчеству. К этому переводу по окончании его сам же старец Макарий составил алфавитный указатель предметам, содержащимся в Лествице, и собственноручно переписал оный, забывая и немощь своего тела, и недосуги, жертвуя для сего временем краткого своего отдыха.

После с этого упрощенного славянского перевода по благословению старца Макария сделано переложение Лествицы на русское наречие; в чем упражнялся под непосредственным наблюдением старца другой его ученик, вышеупомянутый монах Ювеналий Половцев.

Но как упрощенный славянский, так и русский переводы Лествицы, неизвестно по каким причинам, не были изданы в свет при жизни старца Макария. Они напечатаны были уже после его кончины. Вероятно, это было потому, что издание Лествицы на славянском языке принадлежит собственно Св. Синоду; а потому Оптиная Пустынь и не имела права издать от себя славянский, хотя бы и упрощенный ею, текст книги. По времени же обитель, не ища для себя вещественной выгоды, а единственно имея в виду духовную пользу благочестивых читателей, просила Св. Синод, дабы он от себя издал эту книгу — что и осуществилось на деле. Русский же перевод Лествицы митрополит Московский Филарет благословил издавать Оптиной Пустыни. Но как к сему служил некоторым препятствием уже изданный русский перевод сей книги Московской академией, то милостивый святитель изволил на это сказать так: «Пусть академия издает свой перевод, а Оптина — свой». Экземпляры обоих переводов, славянского и русского, до напечатания достаточно распространены были в списках между братьями, как скитскими, так и монастырскими⁷.

Всеми занятиями, как по приготовлению к печати славянских переводов старца Паисия с подстрочными пояснительными примечаниями неудобопонятных слов и выражений, так и при переводе некоторых из них на русское наречие, руководил непосредственно сам старец Макарий. А трудившиеся в этом деле все были близкие его ученики из скитских братий, именно: вышеупомянутые иеромонах Амвросий, мантийный монах Ювеналий и рясофорные монахи — о. Лев Кавелин и о. Павел Покровский. Все эти лица для книжных занятий собирались в приемной комнате старца, который, не прекращая своих обычных занятий с братиею и посторонними посетителями, посещая также в определенное время и монастырские гостиницы, тем не менее принимал самое деятельное участие в сих занятиях. Можно утвердительно сказать, что ни одно выражение, ни одно даже слово не было вписано в отсылавшуюся к цензору рукопись без его личного утверждения. Деятельность его в этом деле была поистине изумительна. Одаренный от природы живым энергичным характером, старец в книжных занятиях точно забывал себя, почасту жертвуя для них, как уже и упомянуто выше, необходимым для него кратким отдыхом. Хотя и у всех участвовавших в сих трудах не было недостатка в

⁷ И теперь хранятся экземпляры Лестницы, прекрасно написанные уставом, — один, написанный монастырским монахом Астионом, в скитской библиотеке, а другой, написанный скитским иеродиаконом Сергием Труновым, — в монастырской. В течение Великого Поста на церковных службах бывает чтение упрощенного славянского перевода Лествицы в Оптиной Пустыни, как в монастыре, так и в скиту.

усердии, но нельзя не сознаться, что если кто чувствовал по временам изнеможение, то отнюдь не старец — он был неутомим.

«Зато,— говорил в свое время от лица всех соучастников книжных занятий один из них, о. Леонид Кавелин,— как щедро мы награждены были за наши малые труды! Кто из внимающих себе не отдал бы несколько лет жизни, чтобы слышать то, что слышали уши наши! Это — объяснения старца на такие места писаний отеческих, о которых, не будь этих занятий, никто из нас не посмел бы и спросить его. А если бы дерзнул на сие, то несомненно получил бы смиренный ответ: «Я не знаю сего; это не моей меры. Может быть, ты достиг ее, а я лишь знаю: даруй ми, Господи, зрети моя согрешения! Очисти сердце; тогда и поймешь». Кто из нас в состоянии забыть, с какою снисходительностью выслушивал он, ущедренный от Господа даром духовного рассуждения, наши детские немотствования и делал уступки в желании изящнее или яснее выразить мысль там, где не видел нарушения духовного смысла, прикрывая оные приличной отеческой шуткой, например: «Пусть будет так; я новейшей литературы не знаю; а ведь вы — народ ученый». Если между трудившимися возникало разногласие в понимании какого-либо места или слова, старец немедленно устранял оное: или предлагал на среду свое собственное мнение, или, смиряясь и смиря нас, оставлял такое место вовсе без пояснения, говоря: «Это не нашей меры; кто будет делать, тот поймет. А то как бы не поставить наше гнилое вместо его (разумея старца Паисия) высокого духовного понимания».

Промыслом Божиим, по замечанию старца Макария, устроено было так, что ко времени издания Оптиною Пустынью святоотеческих книг явились и глубоко сочувствовавшие и содействовавшие сему делу высокие покровители, люди недюжинного ума, как из среды духовной, так и светской. Таковы были, кроме высокопреосвященнейшего и вместе высокопросвещеннейшего Московского митрополита Филарета: упомянутый выше профессор Московской духовной академии, просвещеннейший философ протоиерей Феодор Александрович Голубинский, которому временно помогал бывший ректор Московской духовной семинарии, архимандрит Леонид (скончавшийся в сане архиепископа Ярославского). Усердно также содействовал успешному ходу оптинских изданий бывший в то время инспектором Московской академии архимандрит Сергей (скончавшийся в сане митрополита Московского). Из светских же лиц принимали участие в этом деле в особенности вышеупомянутый Иван Васильевич Киреевский, как это можно видеть из его переписки со старцем Макарием, а затем профессор Московского университета Шевырсов и другие.

Понятно, что вследствие трудов оптинских братьев по изданию в свет святоотеческих писаний старец Макарий от многих понимавших дело лиц многократно получал лестные отзывы, убажания и благодарения. Но старец и здесь, по обычаю своему, указывал свое глубокое смирение. Так, например, писал он от 5 января 1857 года к одному духовному лицу⁸, с которым письменно находился в постоянном духовном общении, несмотря на дальность разделявшего их пространства: «Вы одобряете наши издания отеческих книг, а паче в русском переводе. Но тут нашего ничего нет, а все Божиим благоволением для пользы желающих и ищущих душевной пользы совершилось. Как бы мы могли приступить к столь важному и необычному для нас делу?! Но Бог воздвиг людей благомыслящих к содействию в деле сем. А более всего благоволение и благословение милостивого архипастыря⁹ послужило к изданию лежавших под спудом в рукописях блаженного старца Паисия Молдавского переводов. А св. аввы Дорофея книга также скрывалась под спудом в конце книги св. Ефрема Сирина и по древности славян-

⁸ В подстрочии первого издания Жизнеописания старца Макария помечено: «А-ъ П-ъ, ныне епископ». Вероятно, это был архимандрит Поликарп, кажется, живший и служивший некое время в Иерусалимской миссии, находившийся в близком духовном общении с Оптинскими старцами, впоследствии епископ Орловский.

⁹ Московского митрополита Филарета.

ского языка недоступна была многим; но — благодарение Господу! — и она теперь стоит на свещнице. Дай Бог, чтобы чтущие и послушающие обрели душевную пользу!»

Утешаясь изданными на общую пользу сокровищами духовного разума, скрывавшимися в безвестности более полу столетия, старцы Оптиной Пустыни прежде всего памятовали, что книги эти никогда не могли бы появиться в свет, если бы Господь, видимо, благоволивший к сему делу, не послал к успешному осуществлению одного покровительства, содействия и способов духовных и вещественных. В этих мыслях настоятель обители о. архимандрит Моисей, брат его о. игумен Антоний и описываемый старец о. Макарий на общем совете положили, что они ничем приличнее не могут изъяснить свою благодарность просвещенным их пособникам в издании книг, как делав оные общеизвестными в заведениях, назначенных для образования духовного юношества, в этих рассадниках духовного просвещения будущих пастырей и учителей Православной Церкви Христовой. С этою целью своевременно разосланы были по экземпляру всех вышеисчисленных изданий в дар: 1) во все библиотеки академические и семинарские, 2) почти всем епархиальным архиереям, ректорам и инспекторам духовных академий и семинарий, 3) в Лавры и во все общежительные русские обители, 4) на св. Афонскую гору: в русский Пантелеймонов монастырь, болгарский Зографский общежительный монастырь, в скит Св. Пророка Илии, в скит Св. Апостола Андрея Первозванного и болгарский скит Богородицы (Ксилургу). Когда напечатана была книга св. Исаака Сирина, экземпляры ее посланы были и в Молдавский Нямецкий монастырь, откуда книга эта и получила свою известность в России. Сверх того, во многие приходские церкви в местностях, зараженных расколом, разосланы были безмездно изданные в обличение раскольнических заблуждений сочинения скитского иеросхимонаха Иоанна, бывшего немалое время в расколе и обратившегося в Православие. Также раздавались и рассылались в дар оптинские издания и всем знакомым посетителям Оптиной Пустыни в разных ближних и дальних местах. Не пропустим при сем без внимания и того, что обитель, из которой так много книг щедрою рукою бесплатно раздавалось и рассылалось во все концы России, сама далеко не была обеспечена и часто очень затруднялась в средствах к существованию, никогда не выходя из долгов в несколько тысяч рублей. Но недостатки в материальных средствах нисколько не подавляли духа начальствовавшего в то время крепкого верою в Промысл Божий о. архимандрита Моисея. Он даже находил удовольствие в том, чтобы так или иначе приносить пользу ближним. Это было главною целию всех его забот и дел в продолжение всей его долголетней жизни. «Когда-нибудь кто-нибудь прочтет ту или другую книгу, — говаривал он, — и душевная польза одного человека вознаградит все наши труды. Наше дело сеять. Бог даст, когда-нибудь будут и плоды». И плоды получались чрез изданные книги, да и доселе получают обильные.

За таковые приношения монашествующим и мирским боголюбцам, кроме частных письменных изъявлений благодарности от многих архипастырей и отцов ректоров и инспекторов, оптинский настоятель о. архимандрит Моисей, по представлению о сем семинарских начальств, удостоился в 1857 году получить благословение Св. Синода. А старец Макарий за издание книги св. Исаака Сирина получил в дар от настоятеля Молдаво-Влахийского Нямецкого монастыря камлотовую рясу греческого покроя, которую, по своему смирению, надевал, только когда приступал к принятию Св. Христовых Тайн.

Где же, может быть, спросят, издатели взяли сумму, потребную на издание такого значительного количества книг? Не обинуясь, можно ответить на это словами старца Макария: «Бог послал на благое дело чрез добрых людей». Ибо кто, как не Он, внушал людям достаточным, получавшим душевную пользу от одной книги, посильно помогать изданию другой? Во время самых книжных занятий многие сочувствовавшие этому делу заранее спрашивали: «Скоро ли будет готов начатый труд?» И стоило только старцу сказать, что вот, слава Богу, дело оканчивается, недостатка в усердствующих

помочь изданию новой книги, по милости Божией, не было. Много заботились о всей материальной стороне книжного издания приверженные к старцу Макарию гг. Киреевские, и в особенности, как увидим далее, супруга Ивана Васильевича Киреевского, Наталья Петровна. За оказанную ими обоими в этом деле услугу силен воздать лишь Тот, Кто обещал не оставить без мзды подающего ближнему и чашу холодной воды во Имя Его.

Заметим здесь, что старец Макарий при окончании издания в его время Оптиною Пустынью книг, просмотрев счет денежных издержек на это дело, пришел в удивление, как все это совершилось и откуда собралась израсходованная на все издания такая крупная сумма — до 15 000 рублей ассигнациями. Он мог только выразить свои чувства слезами благодарности к Щедродавцу Богу, воскликнув: «Дивны дела Твои, Господи! [Пс. 138,14]

Из главы XII

<Об участии свт. Филарета (Дроздова), митрополита Московского в оптинских изданиях>

<...>

Какая притом еще была великая внимательность владыки митрополита к изданию оптинцами во главе со старцем Макарием святоотеческих писаний — внимательность, соединенная с глубоким смирением святителя Христова, преимущественно по отношению к старцу! Мало того, что митрополит внимательно прочитывал и тщательно исправлял составленные оптинцами пояснения на некоторые темные места святоотеческих писаний; он сам даже переводил некоторые трудные места св. отцов, сличая с греческим или латинским подлинником, и побуждал цензора к скорейшему исполнению порученного ему дела.

Особенно святитель желал и всячески заботился об издании **1) книги «Преподобных отцев Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни»**, — находя ее более других полезною для иночествующих. В письме своем к старцу Макарию Н. П. Киреевская в июле 1849 года, между прочим, писала, что владыка, узнав о желании оптинцев напечатать «Поучения преп. Феодора Студита» и преподобных Варсануфия и Иоанна, заметил: «Мнение мое: прежде всего начать печатать Варсануфия Великого — вот это бы лучше». А от 19 сентября того же года та же Киреевская сообщила старцу Макарию следующие слова митрополита: «О книге св. Варсануфия, бывши в Лавре, я занялся. Нашел и греческий подлинник; и древний славянский мы отыскали, и, что странно, славянский гораздо ближе и вернее греческого. Мы положим так: перевод старца Паисия печатать так, как он есть. Но как есть в нем в некоторых местах пропущенные речи и места: то все и тому подобное из древнеславянского, и частью сверяясь с греческою (книгою) будем выставлять внизу в примечаниях, как то сделано и в книге св. Нила». «Выслушав сии радостные слова, — писала затем Киреевская, — я поклонилась владыке в ноги с глубочайшею признательностью и благодарением... Я еще прибавила несколько слов о том, что боялась отвлекать Феодора Александровича (Голубинского), теперь иным занятого, от книги св. Варсануфия. Владыка сказал: «Ну, я ему приказал исключительно ею заняться». Когда же книга была напечатана и от имени старца Макария поднесена была Киреевскою митрополиту, он очень был доволен. Киреевская по этому поводу писала в Оптину следующее: «Владыка принял нас отечески благосклонно. Я подала ему подносный экземпляр от имени вашего, батюшка, благодарила от вас с поклоном земным. Владыка с большим удовольствием принял книгу и сказал: «У старцев как все поспевает, удивительно! Очень им благодарен». Я просила владыку обратить внимание на печать, на алфавит, и владыка все очень-очень одобрил. Любезно говорил».

Вместе с книгою преподобных отцов Варсануфия и Иоанна митрополит одобрял издание 2) **преп. аввы Фалассия**. Продолжая предыдущее письмо, Киреевская писала к старцу: «Я подала владыке 3-ю сотницу перевода Фалассия. Владыка спросил: «Что это?» — «Остальная сотница Фалассия. Самые последние главы 4-й сотницы батюшка о. Макарий не перевел, потому что боялся погрешить в изложении сих высоких предметов богословия, и оставил это на волю Вашего Высокопреосвященства, и как вам Господь возвестит». — «Напрасно; лучше бы перевели — мне бы помогли. Погодите, сейчас...» — и пошел в другую комнату. Владыка возвратился, держа в руках 1-ю сотницу св. Фалассия: «Вот 1-я сотница, я ее прочитал, некоторое изменил. В одном месте думал, что догадался, переправил, а как здесь в Лавре нашел греческий подлинник, то увидел, что ошибся, и изменил поправку. В другом же месте было не так, вероятно, потому что пропущено было одно слово в подлиннике. Вот, отдайте от меня старцам и спросите, угодны ли будут им мои поправки. Я озабочивался и не знал, как мне им переслать эту сотницу. Очень рад, что вам могу отдать ее». Я очень благодарил и говорила, что вы примете милость владыки с глубочайшим чувством признательности и что ваши поправки — благодеяние. Владыка сказал: «Ну, это как старцы найдут». Потом я спросила: «Когда старцы переписут, то позвольте к вам обратно доставить?» — «Можно и в цензуру отдать — как хотите».

По возвращении же первой сотницы аввы Фалассия митрополит писал к старцу Макарию:

«Мир свышний преподобному отцу Макарию! Возвращаю перевод аввы Фалассия, испещренный мною, может быть, так же некрасиво в отношении к разуму, как в отношении к буквам. Отдаю на Ваше рассуждение.

Не излишним думаю сказать, что мною сделано и почему.

Первую сотницу сличал я только с переводом старца Паисия. В немногих главах усомнясь, прибегнул к подлиннику.

Три остальные сотницы что-то побудило меня постоянно сличать с греческим подлинником, а иногда и с латинским переводом, который напечатан при греческом подлиннике, но не всегда с ним сходен. Оказалось, что для некоторых глав необходима была помощь греческого подлинника, а иногда и латинского перевода, хотя в некоторых других главах наш перевод, очевидно, верен, а печатный греческий темен — очевидно, испорчен.

В 59-й главе 3-й сотницы перевод наш оставлен неприкосновенным; а перевод с греческого поставлен в примечание, потому что несколько сомнительно, которое чтение правильное, хотя, по моему мнению, вероятнее, что истинное чтение — греческое; ибо только догадочно и принужденно можно дать значение словам: *в трудолюбивом друге ты найдешь покров очам твоим*. Но слова: *в трудолюбивом друге ты найдешь покров твоим погрешностям* — дают ясный смысл. И можно видеть их источник в словах апостола: *обративый грешника от заблуждения покроем множество грехов*».

О том, что 89-я и 92-я главы 4-й сотницы не на своем месте, прилагается при сем особая записка.

Прилагаю также последние 21 главы, переписанные особо, дабы вы лучше могли прочитать; нежели то, что я связно пишу по недосугу, по немощи, а более всего по лени, от которой избавиться помогите мне молитвами Вашими. Паки целование мира Вам, и о. архимандриту, и о. Антонию. Филарет м. Московский. В Лавре. Июня 22, 1855 г.»

В ответ митрополиту старец Макарий писал следующее:

«Ваше Высокопреосвященство, милостивейший архипастырь и отец! Неоднократно получая от Вашего Высокопреосвященства чрез Н. П. Киреевскую архипастырское благословение, принимал оное благоговейно, с чувством благодарности и, не смея беспокоить Ваше Высокопреосвященство писаниями моими для выражения оногo, со-

хранял в молчании доселе. Но ныне вновь излиянная архипастырская и отеческая милость Ваша подала смелость к написанию сих моих скудоумных строк.

При всех Ваших многотрудных и полезных занятиях Вы изволили уделить время для рассмотрения представленной от нас Вашему Высокопреосвященству чрез Наталью Петровну рукописи аввы Фалассия первой сотницы со славянским текстом перевод на русский язык. Получа оную обратно, с радостию увидели во многих местах исправление перевода, сделанное святительскою рукою Вашего Высокопреосвященства, которое нам ясно показало правильность славянского текста и наше скудоумие; и еще столько явили милости — изволили принять и остальные три сотницы на Ваше благо-рассмотрение. Простите, милостивейший владыко, такую нашу дерзость, что мы осмелились сим утруждать особу Вашего Высокопреосвященства.

Считаем также великою милостию к нам и счастьем для себя то, что удостоили принять от нашего глубочайшего усердия экземпляры книги св. Варсануфия и Иоанна в русском переводе. Это не наше произведение, а плод Вашего архипастырского благо-воления и благословения, без коих не могло бы совершиться сие предприятие. Продолжая Ваши архипастырские и отеческие милости, Ваше Высокопреосвященство изволили прислать чрез о. наместника Лавры о. архимандрита Антония в нашу обитель 100 рублей серебром.

Все оное слагая в сердцах наших, осмеливаемся в сих слабых скудоумных строках принести вашему Высокопреосвященству нашу наиглубочайшую благодарность, и мысленно припадаем к стопам Вашего Высокопреосвященства, лобызая святительскую Вашу десницу.

Причем, дерзая испрашивать Вашего архипастырского благословения и св. молитв всей нашей скитской братии, трудившейся в деле книжном, и мне последнему с беспредельным высокопочитанием и сыновнею преданностию, имею счастье пребыть Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастыря и отца нижайший сын и послушник, многогрешный иеромонах Макарий. 25 июня 1855 г.».

Но в особенности владыка митрополит заботился об издании Оптиною Пустынью **3) книги св. Исаака Сирина в славянском переводе старца Паисия Величковского.** Книга эта, впрочем, напечатана была немного раньше преп. аввы Фалассия. В памятной записке старца Макария читаем о сем следующее:

«О напечатании книги св. Исаака Сирина мы не смели надеяться предпринимать какие-либо средства (вероятно, потому что уже напечатан был русский академический перевод сего святого отца); но Бог судьбами Своими устроил неожиданно и даровал нам иметь духовное утешение велие — видеть ее напечатанною в 2400 экземплярах. Вот как это случилось: в 1852 году, когда я был в Москве, говоря с гг. Киреевскими о русском (академическом) переводе сей книги, как бы хорошо и полезно было напечатать сию книгу на славянском языке старца Паисия, предложил им при случае предложить о сем высокопреосвященному митрополиту Филарету. Бывши в Троицкой Лавре в то же время, предложил о сем о. наместнику архимандриту Антонию. По отъезде моем он, улучив время, в разные времена при разговоре докладывал о сем его преосвященству».

По этому поводу в сентябре того же 1852 года получено было старцем Макарием от Лаврского наместника следующее письмо:

«Боголюбивейший и любезнейший старец отец Макарий, благословите! По слову Вашему о напечатании Исаака Сирина писал я к старцу нашему, святому владыке. Извольте выслушать, какой ответ он мне написал: „Рад буду, если напечатают отцы Оптинские книгу Исаака Сирина на славянском, и для цензуры затруднения не предвижу. Желательно было бы, чтобы при сем на некоторые места сделаны были с подлинника пояснения, как сделано в издании Варсануфия Великого. Но если сие окажется трудным, и без сего напечатать хорошо. А с пояснениями славянский текст, по мне, лучше русского, потому что по свойству языка перевод ближе к подлиннику. Новым перево-

дам я меньше верю“. Вот Вам, любезный батюшка, от слова до слова ответ владыки. Теперь остается Вам, призвав Господа в помощь, приступить к делу. Испрашивая св. молитв Ваших, с сердечною любовью есмь навсегда н.[едостойный] Антоний.

Отцу игумену Моисею, о. Антонию и всей скитской Вашей братии передайте братский поклон. 18 сентября 1852 г.»

На следующей за сим почте получено было письмо от Н. П. Киреевской, в котором она уведомляла старца о. Макария о разговоре своем с митрополитом. Владыка: «Не пишет ли вам о. Макарий что о печатании книги св. Исаака Сирина? Он писал о сем к о. Антонию, почему это?» Я отвечала: «Не знаю ничего о сем, владыко. Но если батюшка писал к о. Антонию; то, вероятно, основываясь на словах, сказанных Вами прежде мужу моему, что Вы рады будете видеть сию книгу напечатанною, подобно книге св. Варсануфия, на славянском языке с пояснениями. Но только, владыко, осмелюсь заметить, что если пояснения эти поручите сделать Голубинскому; то будет очень медленно. Да, кажется, владыко, вновь потом надобно будет отсылать в Синод и оттуда ожидать разрешения о напечатании?» Владыка: «Нет, в Синод посылать я не буду — ведь эта книга *святого отца*, — а отдам ее на рассмотрение в Комитет; и если он не решится пропустить, то потребую к себе и сам подпишу. Пусть делают выговор мне одному».

В вышеозначенной памятной своей записке старец Макарий заметил, что в отношении пояснений на темные места св. Исаака Сирина митрополит «не знает, кому поручить это сделать». Вследствие сего, продолжает старец, «мы писали к Н. П. Киреевской предложить владыке, не угодно ли будет его высокопреосвященству дозволить нам заняться сим делом. На это и получили его благословение и дозволение взять в Московской духовной академии греческую книгу св. Исаака Сирина». Приготовленная затем к печати рукопись представлена была митрополиту Филарету на рассмотрение. «Владыка — продолжает в своей записке старец, — принял оную благосклонно и, отправившись в Троицкую Лавру, находясь там в скиту, первую неделю Великого Поста занялся просматриванием наших пояснений и замечаний; некоторые поправил и своеручно о сем удостоил меня писанием от 9 марта 1853 года, и что он передал рукопись сию в цензуру для рассмотрения и дозволения печатать, — которая и поручена цензору, о. инспектору академии архимандриту Сергию, который с любовью занялся рассматриванием оной и по окончании того же года в июле месяце подписал дозволение печатать и доставил в Москву к гг. Киреевским. А они, с благословения архипастыря, приступили к печатанию и продержали корректуру. Между тем, Господь помог нам сделать на оную книгу алфавитный указатель, который также утвержден цензурою к печатанию».

Нелишне здесь предложить вниманию читателей и самое писание святителя Филарета от 9 марта 1853 года, коим он почтил смиренного старца Макария:

«Преподобнейшему отцу Макарию о Господе радоваться! Помолитесь о нас, борющихся с волнами людей и дел, да не погрязнем, но да касаемся, хотя несколько, брега тишины и свободы. Несколько месяцев прошло, доколе я нашел, наконец, время оторваться от дел неволи, чтобы заняться делом желаемым — чтением рукописи св. Исаака Сирина, приготовленной Вами к печатанию: но и теперь, не кончив сего, принужден возвратиться к окружающим меня неизбежным делам должности. Около половины книги читал я непрерывно, внимая учителю и Вашим толкованиям. Далее просматривал некоторые места: но, не могши продолжать и опасаясь еще надолго остановить дело, решаюсь завтра послать рукопись в цензуру. Простите меня, что я дерзновенною рукою коснулся некоторых примечаний Ваших, не имея возможности предварительно изъяснить Вам, почему так коснулся.

Некоторые места книги темны в греческом так же, как и в славянском тексте. Вероятно, сему причиною, между прочим, греческий переводчик с сирского. Некоторые примечания на такие места показались только догадочными и не довольно соответ-

вующими греческому тексту. В таких случаях мне показалось лучшим — оставить темное темным, нежели подвергаться опасности дать читателю нашу мысль вместо мысли Исаака Сирина. В некоторых случаях мне показалось, что толкование не соответствует духу учения. Таково следующее место в слове 44-м. Текст: *«Безмолвие простое посреде правды укорно есть»*.

Примечание к слову «простое»: *«Без ощущения благодатных действий»* (пояснение старца Макария). «Неужели всегда,— писал митрополит,— когда не ощущаются благодатные действия, безмолвие уже есть укорно или достойно осуждения? И добрые подвижники тотчас ли получают ощущение благодатных действий? И у достигших не скрываются ли иногда сии ощущения, по несовершенству или смотрительно? Почему я изменил сие толкование так: *без других подвигов и добродетелей*. В сем смысле сделано замечание и в греческой книге.

Одно толкование не решился я переменить сам собою и представляю Вам о сем при сем записку. Если согласитесь на предлагаемую перемену, то возвратите предлагаемое мною толкование, дабы передать оное цензорам для внесения в рукопись.

О изменениях меньшей важности, которые позволял я себе сделать, говорить не нужно и, по немалому числу их, неудобно. Божие благословение и мир Вам и братству Вашему усердно призывая, поручаю себя молитвам Вашим. Особенно отцу игумену изъясните мое почтение и признание моей вины, что не пишу к нему особо и что молчал долго, в чем у обоих вас прошу прощения. Филарет м. Московский».

Толкование старца о. Макария, которое не решился митрополит переменить сам собою, следующее:

В 21-м слове св. Исаака Сирина текст: *«Чистота есть забвение разума сущих чрез естество, обретенных в мире от естества»*. Толкование: «Под видом знания здесь разумеется неестественное употребление вещей, находящихся в природе», и проч.

Особая записка митрополита по поводу сего толкования: «Иное — виды знания, а иное — употребление вещей. И не под всеми видами знания разумеется неестественное употребление вещей. Есть вид знания сущих чрез естество: и прежде его есть вид знания сущих по естеству. Сей вид знания принадлежит чистоте, а тот — состоянию страстному. Мысль замечания правильна, но выражение не точно.

Не угодно ли так изложить замечание: преподобный Исаак различает здесь вид знания сущих по естеству и вид знания сущих чрез естество. Первый не противен чистоте, а второй должен быть забвен для достижения чистоты. Вид знания сущих чрез естество есть знание вещей не просто по естеству, но с применением мыслей, происшедших от употребления вещей не по естеству, а по страсти. Так, представление в мыслях золота как создания Божьего есть знание сущего по естеству, а представление золота с корыстным вожделением есть знание сущего чрез естество».

Ответ старца о. Макария на сие писание митрополита: «Ваше Высокопреосвященство, милостивый отец и архипастырь! Высокое смирение Вашего Высокопреосвященства, явленное в своеручном писании Вашем от 9 числа сего марта, коим удостоили мою худость, до глубины души тронуло меня, и еще более дало познать и видеть мою нищету, и навело боязнь, да не будет мне на осуждение таковое снисхождение Ваше. Молчанием обротеваю¹⁰ ум мой и, повергаясь мысленно к святительским стопам Вашим, безгласное приношу благодарение. При многотрудных и многосложных подвигах и попечениях Вашего Высокопреосвященства о великой пастве пространного нашего отечества, Вы изволили уделить время на прочтение рукописи св. Исаака Сирина, по благоволению и благословию Вашего Высокопреосвященства приготовленной нами к напечатанию, с толкованиями или пояснениями на некоторые неудобопонятные места славянского текста, и удостоили слабый труд наш Вашего архипастырского внимания, рассмотрев оный. Это сродно токмо высокой особе Вашей и Вашей любви к распро-

¹⁰ Обротевать (ц.-сл.) — заграждать. (Прим. ред.)

странению духовного учения святых отцов для питания оным чад Православной нашей Церкви. Представляя сию рукопись Вашему Высокопреосвященству, мы никак не смели считать наши пояснения точными и правильными; но утешались надеждою, что Ваше Высокопреосвященство обратит на них милостивое внимание, и, быв осчастливлены оным, почитаем изменения, сделанные Вами, справедливыми и святыми. Зная просвещенный разум и опытность Вашего Высокопреосвященства, с любовью и чувством невыразимой благодарности лобызаем мысленно святительскую Вашу десницу, потрудившуюся в сем исправлении наших погрешений. В некоторых же темных местах мы хотя и дерзали делать пояснения, не желая оставить их так; но если Ваше Высокопреосвященство изволите находить, что лучше оставить темное темным, нежели основываться на догадочных мыслях: то веруем, что Господь возвестил Вам сие; и это, без сомнения, будет надежнее и полезнее.

Касательно двух мест, на которые Вы изволили сделать замечание и изменение, осмелимся доложить Вашему Высокопреосвященству, как мы понимали, не считая, впрочем, нашу мысль за правильную. В 44-м слове на слова: *«Безмолвие простое посреде правды укорно есть»*, — сделано нами пояснение: *«Без ощущения благодатных действий»*. Ваше Высокопреосвященство справедливо изволили заметить, что подвижник может не иметь сих ощущений, не доспев еще до сего или по другим причинам. Но мы имели в виду повыше сих строк исчисленные действия преуспевания безмолвия и рассматривали слова: *«Безмолвие простое посреде правды укорно есть»*, — только по отношению к оным, в высоком устроении находящимся людям, а не в таком разуме, чтобы простое безмолвие вовсе было укорно, или осуждения достойно. В нем, конечно, есть свои степени и умаления, и приращения по мере духовного возраста каждого. Мы так понимали, но не могли вполне выразить нашу мысль. Исправление же Ваше: *«без других подвигов и добродетелей»*, — ближе к понятию многих и точнее; ибо от совершения подвигов бывает и преуспевание в благодатных ощущениях. В 21-м слове наше замечание на текст: *«Чистота есть забвение разума сущих чрез естество, обретенных в мире от естества»*, — не выражает настоящего разума и точности; а замечание Вашего Высокопреосвященства очень ясно и правильно, и мы смиренно просим заменить оным наше ошибочное, если есть на сие Ваше соизволение. Во всех же наших недостатках и погрешениях, какие сделаны в сем деле по самосмышлению или по недоразумению нашему, припадая к стопам Вашего Высокопреосвященства, испрашиваем, как я, так и сотрудники мои, Вашего архипастырского и отеческого прощения и милостивого снисхождения.

Отец игумен наш принял благословение Вашего Высокопреосвященства с невыразимым чувством благодарности и зазрением себя о высоком Вашем смирении и считает себя счастливым, что удостоился получить Ваше благословение.

Молитвами и благословением Вашего Высокопреосвященства Господь даровал нам помощь окончить перевод на русский язык книги св. Варсануфия и Иоанна, которую надеемся вскоре представить Вашему Высокопреосвященству, и смиренно просим Вашего соизволения и благословения на представление оной в цензуру для рассмотрения и утверждения к напечатанию.

Дарованное нам Вашим Высокопреосвященством в писании Вашем архипастырское благословение принимаем с верою и любовью и благодарным сердцем и на будущее время осмеливаемся испрашивать оного и святых Ваших молитв на укрепление наших немощей душевных и телесных. И паки припадая к стопам Вашим и лобызая благословляющую десницу Вашу, с глубочайшим моим высокопочитанием и невыразимою сыновнею преданностию имею счастье пребыть Вашего Высокопреосвященства, милостивого архипастыря и отца, нижайший послушник и. Макарий. 17 марта 1853 года».

С каким благоговением старец Макарий относился к великому святителю Филарету, это можно видеть из его письма и к своим севским племянникам: *«Сегодня, — пи-*

сал он,— Господь сподобил меня, не по достоинству моему, получить милостивое писание от Московского владыки, митрополита Филарета, от 9-го марта, своеручное... О, велие смирение высокого сего мужа! Как он милостиво и смиренно выражается пред нашею худостию! Даже в стыд и страх приводит своим снисходительным смирением. И при столь обширных его епаршеских занятиях избрал время к прочтанию сей книги (св. Исаака). Как велика его любовь к отеческим учениям и желание оные передать верным сынам России для напитания душ их манною духовного учения сего св. Исаака Сирина! Для нас очень приятно, что он своею святою рукою поправил наши ошибки. Слава Богу о сем Его даре!»¹¹

Но всего этого внимания к изданию книги св. Исаака было мало для милостивого Филарета. Он чрез Н. П. Киреевскую пожертвовал собственно на это издание 100 рублей. Вместе с тем выражал заботу о том, чтобы издание книг, при щедродательности Оптинских старцев, окупалось продажей их, дабы на эти деньги можно было печатать другие книги.

«Итак,— заключает старец Макарий в своей записке,— сия богодухновенная книга (св. Исаака), помощью Божиею, напечатана благословением владыки, и первые три печатных экземпляра оной (в переплете) присланы к нам в обитель на Светлой неделе, 13 числа (апреля 1854 г.), на третий день праздника, как самый приличный подарок для Светлого праздника». В письме к своим севским племянницам старец еще добавляет: «Иван Васильевич и Наталья Петровна (Киреевские) все усилие употребили докончить к Пасхе. Почти даже и невозможно было сего сделать». Не один, впрочем, боголюбивый старец, но и все любители святоотеческих писаний были несказанно обрадованы выходом в свет сей книги. Прославляя за сие Бога, они вместе благословляли и высокого покровителя дела сего, митрополита Филарета. Да и как было не радоваться сему? Ибо было время, когда ревнители иноческой жизни и христианского любомудрия платили за рукописные экземпляры сей книги по 100 и более рублей ассигнациями; но и то трудно было достать. А хотя перевод старца Паисия и был напечатан в Молдавии в Нямецком монастыре еще в 1812 году; но, по существующему доселе запрещению ввоза из-за границы книг славянской печати без всяких изъятий в отношении их содержания, книга эта попадала в Россию лишь случайно и потому продавалась все же недешево — рублей по 15 и более серебром.

Последующие же оптинские издания, хотя также печатались с соизволения и благословения митрополита; но он уже не так участливо относился к ним по следующей, высказанной им И. В. Киреевскому, важной причине: «Я не знаю,— говорил он,— для чего печатать много. Не лучше ли ограничиться немногим, явно полезным? Светская литература представляет нам невыгоды многого печатания. Там враг человеческого рода постарался устроить так, что хорошие книги задавлены грудой бесполезных, так что до них и не доберешься. Не надобно ли остерегаться, чтобы и духовная литература не подверглась такой же участи?» Впрочем, святитель Христов и после такого высказанного им вполне истинного и отличавшегося по дальновидности его замечания, приложимого к нашему времени, не только не воспреещал оптинцам издавать душеполезные книги, но и содействовал.

<...>

¹¹ Письма старца Макария к монахиням. Часть 3. Письмо 67.

Из главы XIII

<Об участии профессора МДА, цензора, протоиерея Ф. А. Голубинского в оптинских изданиях>

<...>

... старцу Макарию, в бытность его в 1852 году в Москве и Троицко-Сергиевой Лавре, пришлось, как выше сказано, лично познакомиться с ректором Московской академии архимандритом Алексием и с цензорами духовной литературы: инспектором той же академии архимандритом Сергием и профессором Феодором Александровичем Голубинским, — и войти в ближайшие с ними отношения. Феодор Александрович (как заметил о. Леонид Кавелин) по любви своей к духовному просвещению и по неисчерпаемой доброте своего сердца оказал незабвенные и всегда искренно ценимые старцем Макарием услуги святому делу издания Оптиною Пустынью святоотеческих книг. Когда нужно было, он поддерживал это дело, объясняя митрополиту Филарету причины, почему оптинцы не ограничиваются малым количеством издаваемых ими, более полезных, духовных книг. 2-го мая 1853 года Н. П. Киреевская уведомляла старца: «Феодор Александрович Голубинский в бытность у нас (в доме) говорил, что он представлял владыке жития Симеона Нового Богослова и Григория Синаита. Он оставил их просмотреть у себя и сказал, что их надобно отослать в Синод, ибо св. Симеон Новый Богослов нашею Церковию не признан за святого; причем сказал: «Уж не слишком ли много старцы Оптиные хотят издавать?» Феодор Александрович на сие отвечал: «Они, Ваше Высокопреосвящество, потому спешат, что желают для общей пользы воспользоваться тем участием, которое вы изволите принимать в сем деле, и без чего, вероятно, ничего не было бы издано». «Да,— сказал владыка,— вот я посылаю в Синод св. Исаака Сирина — и не вышло ничего».

Как близко к сердцу принимал Феодор Александрович заботу об издании Оптиною Пустынью переводов старца Паисия, Киреевская к батюшке о. Макарию писала: «Граф Протасов (обер-прокурор Св. Синода) говорил, у Троицы бывши, про Феодора Александровича Голубинского, что «дело цензуры отягощает его и слишком для него ничтожно». Из сего Феодор Александрович заключает, что ему должно оставить комитет, и говорит: «Если я оставлю его чрез полтора или год; то во всяком случае при себе наложу печати (то есть цензурного комитета) на все рукописи Паисия. И сверх того, хоть и выйду из цензуры, но этот труд не оставлю и все сам их просмотрю; если же умру, то все уже к выпуску их не будет остановки, потому что печать ко всему приложена будет».

С какою любовью и почитанием относился Голубинский к самому старцу Макарию, видно из следующего его письма к нему от 19 мая 1854 года, в котором также выражается и его заботливость об оптинских изданиях. Так писал Феодор Александрович:

«Ваше Высокопреподобие, достопочтеннейший о. Макарий, верный путеводитель ко Господу рабов Его, подвижающихся в безмолвии! Приношу Вам сердечную мою благодарность за дорогое для меня Ваше посещение в прошлом году, за смиренномудрую беседу Вашу, за драгоценный дар Словес преп. Симеона Нового Богослова и за исполненное христианской любви Ваше писание от 24 марта сего года. Простите меня, что так долго оставался пред Вами безответным: это произошло от того, что я желал услышать мнение просвещенного архипастыря нашего о некоторых переводах блаженного старца Паисия, упоминаемых в письме Вашем. В прошедшем месяце, в начале Фоминой недели, я представлял ему в Москве: 1) Жизнеописание преп. Симеона Нового Богослова, 2) Житие св. Григория Синаита и 3) Писание св. Григория Паламы к инокине Ксении, Деятели Нового Завета и еще некоторые послания. Сличением сих писаний св. Григория с подлинником я занялся прежде других, потому что нужно было скорее возвратить греческую рукопись в Патриаршую библиотеку, из которой я брал

оную. Высокопреосвященнейший оставил сии переводы у себя для прочтения и в нынешнем месяце (мае) прислал их сюда, с тем чтобы жизнь преп. Симеона и писания св. Григория Солунского были рассмотрены цензурным комитетом, и первая представлена для окончательного одобрения в Св. Синод, с исключением немногих выражений, в которых наставник преподобного Симеона признается святым, между тем как он не включен Церковью в число святых; а писания св. Григория Солунского были рассмотрены и пропущены к печатанию в здешней цензуре. Вместе с сими рукописями прислал сюда Высокопреосвященнейший митрополит Ваш перевод св. Варсануфия на русский язык и писал, что он ждет от Вас ответа на сделанные им на сей перевод замечания. Когда он получит сей ответ, тогда по приезде в Лавру, которого мы ожидаем на сих днях (после 21 мая), прикажет рассмотреть оный перевод цензурному комитету. Между тем присланный Вами перевод св. Исаака Сирина рассматривается о. инспектором академии архимандритом Сергием и был бы окончен в мае, если бы не помешала о. инспектору болезнь его, которая, впрочем, ныне проходит; так что он надеется в следующем месяце возвратить эту рукопись с надлежащим одобрением. В том же месяце (июне) выйдут из цензуры и писания св. Григория Паламы и св. Максима по вопросу и ответу. Что касается до стихной книги¹² и жития св. Григория Синаита, то Высокопреосвященнейший митрополит находит неудобным напечатать их в настоящее время. При сем долгом поставляю свидетельствовать Вам искреннейшее почтение о. ректора Алексия и о. инспектора Сергия. Мы нередко с признательностию вспоминаем о Вас и о Ваших назидательных беседах. Прошу Вас покорнейше засвидетельствовать мое давнее душевное почтение его высокопреподобию о. игумену Моисею и братское усердие и уважение кроткому и любознательному Ивану Андреевичу (Половцеву), спутнику Вашему. Дай ему Господь быть верным спутником Вашим и в небесное отечество! Воздохните и о мне, грешном, в молитвах Ваших ко Господу. С сим желанием и усерднейшим почтением и благодарностию имею честь быть Вашего высокопреподобия покорнейший слуга, протоиерей Феодор Голубинский».

Следующее за тем письмо Феодора Александровича к старцу Макарию, писанное в июле того же 1854-го года по тому случаю, что старец, послав ему какие-то две книги, в благодарность ему и помощникам его за их труды и хлопоты по изданию оптинских книг, вложил в посланные несколько ассигнаций, показывает, кроме искренней благодарности и смирения, которыми всегда отличался добродушнейший о. протоиерей, еще и самое близкое участие его в самом старце, относительно средств для дальнейшего издания книг. Вот самое письмо:

«Ваше Высокопреподобие, сердечно уважаемый мною батюшка отец Макарий! Приношу Вам хоть позднюю, впрочем, усерднейшую, благодарность за две душеполезные Вами присланные книжки и за награждения, в них вложенные. Я только в июне сего года узнал о сих приложениях (30 руб. и 60 руб. серебром); а целый год не знал, потому что они лежали не открыты в неразрезанных книжках; а потому и не извещал Вас так долго. Сотрудники мои, о. ректор ныне Московской семинарии архимандрит Леонид и о. инспектор академии архимандрит Сергей, и я свидетельствуем Вам низжайшую благодарность за эту неожиданную, удивившую нас награду. Вы подлинно так делаете другим добро, чтобы левая рука не ведала, что творит правая, и пускаете из рук деньги, как по ветру, не заботясь о том, пришли ли они по назначению, а полагаетесь на благоустроение Всевышнего Промысла. Пусть они текут и проходят, лишь бы не прилагалось к ним сердце.

Душевно ценю Ваше благое намерение издать на русский язык переложенные некоторые беседы св. Григория Солунского, Вами избранные и указанные. Позвольте спросить Вас, будете ли Вы иметь средства, необходимые для издания их? Вы по такой

¹² Книга, написанная стихами преп. Симеоном Новым Богословом, потому и называется стихная; находится в скитской библиотеке в рукописи.

умеренной цене пускали в продажу прежние книги, Вами изданные, и так много дарили их, что едва ли остается у Вас выручка от их продажи... Я готов, сколько могу, содействовать Вам при исправлении сего перевода; только не знаю, успею ли в продолжение года совершить это дело. Нижайше прошу Ваших благопоспешных молитв ко Господу, чтобы Он еще потерпел грехам моим и подкрепил много от моей неумеренности ослабевшие мои силы. Простите, достопочтеннейший батюшка! Желаю Вам милости Господней. Ваш усерднейший слуга, недостойный протоиерей Феодор Голубинский».

Между тем, дни достойнейшего о. протоиерея были уже сочтены. В июле он просил батюшку о. Макария помолиться Господу о продлении его жизни, а в следующем августе месяце любящая душа его переселилась в вечность. Об этом вскоре уведомил старца заместитель Феодора Александровича по цензорству оптинских изданий вышеупомянутый инспектор Московской академии архимандрит Сергей. Так, он писал:

«Возлюбленный о Господе батюшка отец Макарий! За благое Ваше писание свидетельствую глубочайшую благодарность. Вашими молитвами путешествовал я благополучно. Но теперь иногда немощствую духом ради страха смерти внезапной¹³, опасность которой снова обдержит нас, грешных. Помолитесь, батюшка, о преданном Вам послушнике, но немощнейшем из грешников: истинно верую и предаюсь Вашим молитвам... На сих днях пришло известие из Костромы, что 22 августа Феодор Александрович Голубинский там скончался. Под это число ночью он почувствовал озноб; к утру так ослабел, что не мог подниматься с постели; потребовал духовника, исповедался, приобщился; освящен был елеем, и в два часа пополудни отошел ко Господу. Буди вечная память доброму и трудолюбивому нашему наставнику! В Кострому он поехал для свидания с родными. Он сын соборного диакона, 40 лет прожил в Лавре и сложил свою премудрую главу подле праха своих родителей. В сентябре русский перевод книги св. Варсануфия выйдет из моих рук, если, впрочем, отыщу в квартире покойного Феодора Александровича тетради, оставшиеся по его воле у него — от 52 по 100 вопросы. Глубочайшее мое почтение о. архимандриту Моисею. Вам преданный архимандрит Сергей. 27 августа 1854 года».

Подробнее писал о последних днях и о кончине о. протоиерея Феодора Александровича сын его, Дмитрий Феодорович Голубинский (бывший по кончине своего родителя профессором в Московской академии) к Ивану Васильевичу Киреевскому. Думается, что безынтересны будут для читателей подробности эти, каковы и выписываются здесь:

«Дражайший папенька Феодор Александрович в последнее время имел сильное желание быть на родине: отправился он со мною 8 августа, останавливался в городах Ростове и Ярославле и 12 августа благополучно прибыл в Кострому. Там он посещал родных и знакомых. 14 августа был за рекою Костромой в Ипатьевской слободе; захотел посмотреть родительский дом, взшел даже и в светелку; припоминал, как благословили его родители в академию. 15 августа он служил Литургию с преосвященным Филофеем. Следующие дни он проводил в свидании с родными и знакомыми, посещал места, знакомые ему из детства, щедро благодетельствовал бедным родным; и особенно замечательно то, что он часто служил панихиды и с большим чувством. Во все это время он был довольно здоров и бодр, и даже казалось, что был бодрее обыкновенного. Казалось, что свидание с родными оживило и утешило его. 20 августа и 21 он прощался с родными и знакомыми, намереваясь 22 отправиться домой (в Сергиев Посад). И 21 в нем не заметно было особенной болезни: он был у всенощной, но только чувствовал некоторую тошноту; впрочем, уснул, как кажется, довольно спокойно. Но 22 числа рано поутру он почувствовал сильные холерные припадки; а с тем вместе, кажется, с ним произошел и удар: голос у него очень переменился. Врачебные пособия были уже действительны. Папенька исповедался и приобщился Святых Тайн. Чрез несколько

¹³ Вероятно — холеры.

времени после сего язык у него очень связался, так что он с большим трудом выговаривал слова, и потом почти совсем лишился употребления языка; был соборован, и в начале третьего часа папенька скончался. Погребен близ родителей 25 августа. Отпевал преосвященный Филофей. Кажется, у папеньки было какое-то тайное и неопределенное предчувствие близкой кончины. Оно выразилось в следующих стихах, писанных им к одной близкой родственнице старушке 11 июля, в день ее Ангела:

Уже мои слабеют силы,
Язык тупеет, ноги хилы.
Я перестал других учить
И в школу по звонку ходить.
Пора и самому учиться,
Как с грешным миром распрощаться.
Полвека я наукам посвятил,
На жизненном пиру довольно погостил.
Пора вставать и в путь собираться.
Пора домой! Не век скитаться.
Пусть тою же, как я, тропой
В цветник наук, вослед за мной
Походит сын любезный мой...
А я уж плуг повесил свой.
Но пусть мои слабеют силы,
Я чувствую, что до могилы,
Пока свет жизни не угас,
Я не забуду сердцем вас.

1854 г. июля 11 дня».

По случаю кончины Феодора Александровича от старца о. Макария последовало о. архимандриту Сергию ответное, обычно-смирненное письмо, в котором он писал и о своих, близких его сердцу книжных делах:

«Ваше высокопреподобие, достопочтеннейший о. архимандрит! С чувством сердечного сожаления приняли мы известие об отшедшем от нас достопочтеннейшем отце Феодоре Александровиче Голубинском. Он оставил добрую память о себе, быв наставником многих, приготовлявшихся также быть наставниками и пастырями Христова стада. И ваша академия, вероятно, имеет памятниками многие его ученые труды и занятия и, конечно, почтит память его достойными похвалами для незабвения в будущие роды. Но всего важнее то, что удостоился кончины христианской, мирной, с напутствием всех таинств, в вере и надежде воскресения и жизни вечной. Это утешительно для оставшихся, любящих и уважающих его, и подает надежду, что удостоится получить милость Божию в вечной жизни. Память его и для нас священна. Он много потрудился в рассматривании представляемых нами рукописей отеческих писаний перевода старца Паисия и дал дозволение к изданию оных, хотя это несобственно служит одним нам пользою, но — еще важнее — и всем чтущим и послушающим сии духовные учения. Сии его действия занимают несколько страниц и в истории нашей обители, которая имеется у нас в рукописи. Мы обязаны молить Господа о упокоении души его в Царствии Небесном при церковном богослужении и при чтении Псалтири¹⁴ вспоминать его имя. С получением о сем известия и исполняем поминовение о душе его. Да упокоит Господь душу его в Царствии Небесном!

Благодарение Господу, что Вы благополучно окончили свое путешествие и возвратились в Лавру. Да сохранит Господь здоровье Ваше и избавит от страха болезни, постигшей окрестные места. Молитвами угодника своего, преп. отца нашего Сергия,

¹⁴ В Оптиномском скиту издавна установлено денно-нощное чтение Псалтири братьями с поминовением о здравии и упокоении имен их родственников и благотворителей.

Господь силен сохранить обитель вашу и всех живущих в ней от сей болезни. Какую же принесем Вам благодарность за милостивое Ваше расположение к нам и предприемлемый труд в прочтении русского перевода книги св. Варсануфия! Вы хотите утешить нас окончанием оной в сентябре месяце. Сам Господь воздаст Вам Своею милостию. Многие, не только из светских, но и из духовных лиц желают пользоваться оною в русском переводе. Но чтобы не было остановок в случае неотыскания в квартире покойного Феодора Александровича тетради от 52—100 вопросов: то мы списали оные с нашей черновой рукописи и на будущей почте постараемся к Вам доставить. Позвольте спросить Вас о рукописи — «Житие преп. Симеона Нового Богослова», которую хотели представить из цензуры в Св. Синод, была ли она представлена и получено ли дозволение о напечатании оной или нет? И где она находится? о. архимандрит наш свидетельствует Вам свое почтение и приносит благодарность за Ваше ему приветствие. Поручая себя Вашим св. молитвам, с истинным моим высокопочитанием имею честь пребыть Вашего высокопреподобия нижайший послушник и богомолец, многогрешный иеромонах Макарий. 4 сентября 1854 года».

Житие преп. Симеона Нового Богослова напечатано было от Оптиной Пустыни в 1856 году; следовательно, хотя нескоро, а все-таки разрешено было Св. Синодом к напечатанию.

<...>

Из книги: Жизнеописание Оптинского Старца Иеросхимонаха Макария. Свято-Введенская Оптина Пустынь, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, Издательство «Отчий дом». Москва, 1997.
Стр. 115–127, 144–154, 164–171.